

Офицер, увидев бутылку у солдата, моментально сделал «стойку»...

ГРАЖДАНСКИЙ ЭЛЕМЕНТ

НИКИТА Сумароков служил в армии. Сегодня была суббота, но, несмотря на вроде бы выходной, он сегодня не отдыхал.

Служба есть служба. Чтобы выполнить план по производству всяких там деревяшек-подоконников, дверей, рам и т. д., родина требовала от него и его отделения дополнительных усилий.

Работа была в самом разгаре, когда в дверях цеха появился Борька Голубев. Это был гражданский элемент. Никита, когда бывал в самоволках или увольнительных, прекрасно проводил время. Работали они в соседних цехах. То Борьке от него чего-то надо было... Стырить-сделать... То Никите. Ну, Никите известно что – спиртное! И самое главное, Сумароков на эту услугу обладал эксклюзивным правом. Больше Борис это зелье никому из военнослужащих не поставлял. Вот только если Никита попросит... Даже «старик» ходили в свое время к Сумарокову на поклон, толкая тому в ладонь мягкие бумажки: «Мол, скажи Борьке, чтоб привез...» И вот сейчас Голубев нарисовался в проходе. Весь чистенький, беленький и одновременно черненький – из-за строгого костюма-тройки. Плюс галстук, манжеты-запонки и т. д. В общем, блеск! Ни дать ни взять – профессор, а не рабочий арматурного цеха! Женится он сегодня. За три недели до этого все уши прожужжал Никите. И вот теперь явился – надо, наверное, что-нибудь. И точно!

– Никита, Никита! – радостно заорал Борис сходу. – Женюсь я! Ах, да... Ну, это ты уже знаешь... Гостей набралось, а стульев не хватает. Доску надо. Или две... А то сидеть не на чем. Ну, как? Смогешь?

– Какие проблемы, Борька! Для верного дружка не пожалеем и пупка! Сейчас сварганим... Мигом! Станки на ходу, заготовок полно.

Через минуту ровные строганные доски были готовы. Никита их даже в руки новобранному не дал.

– Как можно, Борька. В такой день, в таком костюме – и с деревяшками таскаться! Может, подметать тут мне еще кинешья!.. Нет уж, Борька, я сам это дело до машины доставлю. В общем, поздравляю... Желаю!..

Уже на выходе, перед воротами, Никита от чистого сердца пожал другу руку. А Борька хитро улыбнулся, сунул руку в карман и – вот фокусник

– блеснул оттуда бутылкой! Хорошее молдавское вино...

– Что ты, Борька! Я же тебе не за то делал. Напрасно ты...

– Бери, бери. И я тебе не за то. Праздник у меня сегодня. Пусть и у тебя чуть-чуть будет.

Все эти манипуляции с бутылкой и досками происходили напротив проходной, и Никита тогда абсолютно не подозревал, что за ними оттуда сейчас наблюдают. А это был офицер – заместитель командира роты капитан Подрячев. Увидев бутылку, он моментально сделал «стойку».

– Сумароков, ко мне! – вылетел офицер из своей будки, и Никита сразу понял, что последует за этим – бесправному солдату придется расстаться с запретным подарком.

Хорошо – зима, и Никита был в бушлате. Он стоял спиной к Подрячеву, Борька напротив – выход был!

– Забирай обратно, – вздохнул Сумароков и чуть распахнул полы бушлата.

Посуда сразу перекечевала из его

внутреннего кармана опять к Голубеву. Офицеру до них было метров пять. И пока тот дошел, а солдат развернулся ему навстречу – все спряталось и благополучно исчезло у Борьки. Подрячев, было, кинулся обыскивать Никиту – ничего! Как же так?!.. Ведь только что было! Ага, значит у Борьки! И он протянул свои розовые и толстые, как сосиски, пальчики к Голубеву, но Голубев не растерялся и отрицательно замотал ладонью перед носом начальника:

– Я не солдат вашей армии. И на меня ваши порядки не распространяются! Так что обыска не будет!..

Подрячев как-то сразу сник, погрустнел и даже, как показалось Никите, чуть сгорбил. Офицер понял, что тут он проиграл – на гражданских его власть не распространяется. Но через секунду капитан зло сверкнул на Сумарокова глазами: «Командиру все будет доложено, и вы, товарищ Сумароков, будете наказаны!»

А вечером и вправду командир роты позвал солдата к себе:

– Ну что, Сумароков, не дали тебе сегодня опохмелиться, – ехидно улыбался командир и в то же время абсолютно беззлобно.

Если задуматься, злиться ему на Никиту было не за что. С отделением тот справлялся, с заданиями тоже. Никогда не подводил. Если и были грехи, то какие-то неопределенные и на благополучие командира никак не влияли. Вот и в этом эпизоде не подкопаешься...

– Товарищ капитан, да Подрячеву там что-то показалось. А я виноват! – заныл Сумароков. То, что ничего не докажешь – он и так знал. Поэтому взгляда не прятал и врал нагло и бойко. – Он же на проходной сидел. А там стекло... ну все напрочь замерзло! Морозы ведь... Да еще и немые, наверняка. Что он там мог разобрать! Вот и увидел невесть что. Да и вообще, всем известно: не пойман – не вор, а вы меня уже пресуете. Товарищ командир, ни за что страдаю!

– Тут ты, конечно, прав – не

пойман. Но на всякий случай в Ленинград на экскурсию не поедешь, – взгляд капитана так и говорил: «Молодец. Тут ты выкрутился. Но и мне деваться некуда, надо же как-то реагировать».

А Сумароков даже обрадовался: «Мне больно-то и хотелось... В такие-то морозы! Лучше в казарме отсижусь, чем строю в этакую стужу от музея к музею вышагивать!»

На этой неделе вся рота, действительно, только тем и жила, что на следующей неделе намечалась поездка в Ленинград. Ехали, конечно, лучшие. Но то, что Сумарокова только что отчислили от «особо приближенных», его абсолютно не расстроило. Все-таки лучше, чем гауптвахта. Да и насчет погоды он оказался прав. Экскурсанты после той поездки буквально влетели в казарму с красными и злыми от мороза рожками. Хлопали в ладошки и пританцовывали, стуча сапогами по полу, чтоб выбить из них последние остатки стужи – холодно! Никита с удовольствием отметил: на улице, наверное, ниже 30-ти градусов, если и того не больше! По поднятым вверх воротникам и натянутым по самые уши шапкам и по иному, который обильно облепил одежду путешественников, было понятно – прогулка получилась не из приятных.

«А! Это все ерунда! – подумал тогда про солдатскую долю Сумароков. – Отогреемся, отоспимся, отлежимся... Главное, морозы эти пережить. Пройдут же они когда-то!.. А весной... – и он вспомнил о дембеле, о доме, о невесте – и на душе сразу потеплело. – А весной я уже сам смогу помахать ручкой, как Борька, любому офицеру. Мол, что хоч, то и делаю!.. Потерпи, Никита чуть-чуть. Скоро холода закончатся!»

Белая опушка, оставленная морозом на одежде и щеках солдат, уже исчезла. И те, раздвываясь, начали взхлеб хвастать, как они здорово съездили и много увидели и как все там было отлично и прекрасно. Простой рай господень!

– Ну, давайте, давайте... рассказывайте теперь, морды вы промороженные! – кивал на восторженную брехню своих сослуживцев Сумароков, с удовлетворением отмечая в уже отогрившихся и оттаивших шинелях солдат неминуемое приближение долгожданной весны.

АНДРЕЙ КУДИНОВ.

Ангелы ездят в трамвае

ВСТРЕЧА НА ФИЛФАКЕ

ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА с магнитогорскими поэтами Натальей Карпичевой и Натальей Фокиной была организована кафедрой русской литературы XX века и лабораторией литературоведческих исследований филфака МаГУ и посвящена проблеме женской лирики.

Собравшиеся размышляли, можно ли делить поэзию на мужскую и женскую, насколько ярко девушки, женщины в современном мире могут выразить себя в творчестве.

Решать эти задачи помогала удивительная ведущая Т. Таянова. Интересное совпадение: вечер поэзии был сосредоточен не только на Натальях и Татьяне, а носящих имена, красота которых воспета А. Пушкиным: Наталья Гончарова – жена и муза поэта, Татьяна Ларина – любимая героиня. Татьяна Таянова – поэт, человек творческий, который своей искренностью и преданностью искусству, умением

нестандартно подойти к организации поэтической встречи увлекает слушателя-собеседника в мир лирики. Сочетая в своем выступлении целеустремленность, умение смотреть на литературу с точки зрения науки, и оптимизм, доброжелательность, юмор, ведущая создавала потрясающее весеннее настроение, желание не просто слушать, но и анализировать стихотворения, одновременно наслаждаясь поэзией. Т. Таянова рассказала о великих женщинах – А. Ахматовой, М. Цветаевой, З. Гиппиус, заставивших восхищаться собой и говорить о себе целый мир, отметила основные проблемы, связанные с «женской лирикой», поведала о том, что в характере идеального человека, по мнению ученых, сосредоточены как мужские черты – настойчивость, решительность, смелость, так и женские – мягкость, плавность, восторженность. Затем ведущая встречи познакомила аудиторию с Натальей Карпичевой и Натальей Фокиной.

Поэты-девушки окончили филологический факультет, посещали

литературные объединения, не расставались с творчеством и сейчас имеют свои поэтические сборники. Н. Фокина, занявшая в 2005 году второе место в городском конкурсе «Грани», в 2003 году выпустила книгу, наделенную необычным, романтическим названием – «Ангелы из трамвая». Н. Карпичева, являясь членом Союза российских писателей, лауреатом премии К. Нефедьева (2003 г.), имеет три сборника: «Разговор с рассветом» (2004 г.), «Зима понарошку...» (2005 г.), «По черной лестнице из красного угла...» (2007 г.). Талантливые Натальи поддержали атмосферу света и добра. Они выступили со своими произведениями, которые вызвали положительные и благодарные отзывы.

Творчество магнитогорских поэтесс многогранно: стихотворения посвящены как философским темам (Наталью Карпичеву присутствующим на творческом вечере назвали Поэтом Неба), так и повседневному, на первый взгляд, мелочам. Так, в поэзии Натальи Фокиной малейшие подробности

действительности – опавшие листья, нити дождя, шорох ветвей, согретье первыми весенними лучами солнца воробьи – одухотворяются, они, трогательные и трепетные, охваченные любовью создательницы, становятся значимыми и важными. И люди в творчестве Н. Фокиной – ангелы, забывшие о своей способности летать: «Вам кажется, я не знаю, что ангелы ездят в трамвае и, крылья отдав самолету, идут по утрам на работу, чтоб ночью проснуться в поту, не ту беря высоту». Из этих деталей реальности, из мечты состоит мир, творимый поэтом: «Миру белому-белому имя дала – и забыла». Лирика Н. Фокиной по-пушкински, по-пастернаковски светлая и в то же время яркая; даже «пышное природы увяданье» воспринимается поэтом с нежностью, радостью. Осень для поэта – время постижения самой себя, пересоздания мира, устремленности к небу, к вечности: «Опавших листьев танец на дне родника. На корабле Из раковин уплыву в звон осеннего неба». Осень – это и муза, и сам поэт: «Полночный ветер рукавом поймаю

я, в дождь обмакну кисть волос, по облакам напишу осень птицей». В поэзии Натальи Фокиной царят детская любознательность, внимательность, впечатлительность, открытость всей вселенной и «взрослое» умение обобщать, абстрагироваться, философствовать.

Лирика Н. Карпичевой и Н. Фокиной опирается, с одной стороны, на традиции мировой культуры: близкие и знакомые каждому романтические возвышенные образы Офелии, Джульетты или экзотические и причудливые формы – например, японские танки. С другой стороны, лирика Натальи является оригинальным и самобытным творчеством.

Эта встреча на филфаке еще раз доказала, что в настоящее время есть поэзия проникновенная, волнующая, вечная. И главная проблема не в том, кто ее создавал – мужчина или женщина, а в том, какова ее суть. Ведь поэзия – это волшебный мир, открывая который, сам приобщаешься к чуду.

ЕЛЕНА КОТУКОВА,
заведующая лабораторией
литературоведческих исследований
филфака МаГУ, аспирант кафедры
русской литературы XX века.